Мордкин Михаил

5.10.2000
30

Михаил Мордкин

Большой театр. – 2000. – 5 окт. (№ 22)

Сто лет назад Москва была охвачена гипертрофированной оперománией. Пожелтевшие городские газеты рассказывают о безумствах поклонниц Шаляпина и Собинова, Смирнова и Бакланова, забрасывавших певцов любовными письмами, скупавших у барышников билеты по тройной стоимости, а порой от неразделенной любви бросавшихся с колосников. В балете все было гораздо спокойнее, нередко спектакли шли при полупустых залах. Исключение составляли балеты с участием Гельцер и Мордкина.

«Любимец московской публики» — с таким эпитетом вошел в многочисленные мемуары Михаил Мордкин. В начале века он один соперничал в популярности с оперными звездами и актерами Художественного театра. Его рядовые спектакли собирали московскую элиту. А фотоателье Императорских театров распродавало огромные тиражи портретов балетного красавца — горящий взгляд, античный профиль, античная мускулистая фигура.

Для консервативной Императорской сцены, не терпевшей поспешности и нарушения субординации, карьера Мордкина была поразительна. Свои первые главные партии в спектаклях Большого театра он получил еще учеником театрального училища: в 17 лет — партию Корнета в «Привале кавалерии», год спустя — Колена в «Тщетной предосторожности». А в московской премьере «Раймонды», состоявшейся за полгода до выпуска танцовщика из училища, он был Жаном де Бриеном.

В 1900 году Мордкин был принят в труппу Большого театра и в первом же сезоне станцевал чуть ли не все премьерские партии классического репертуара. Критики благосклонно оценивали юное дарование, но ставили ему в пример его учителя Василия Тихомирова, поучающе советовали поднабраться благородной степенности, куртуазности манер.

А мордкинский дар был стихиен. И судьбоносными для танцовщика стали не классические принцы, а роль Эспады. В ней он выступил на премьере переделанного Александром Горским «Дон Кихота». Встреча с этим балетмейстером стала главным событием в жизни Михаила Мордкина. Почти ни одна постановка Горского не обходилась без его участия. А с Эспадой он не расставался до конца карьеры, хотя почти одновременно в его репертуар вошла роль Базиля.

Танцовщик-виртуоз, Мордкин превыше всего ставил актерскую выразительность. Он захлестывал зал клокочущим темпераментом и был идеальным героем хореодрам Горского.

Классический репертуар Мордкина пополнялся за счет ролей, в которых нужно было не столько эффектно принять позу и галантно подать руку партнерше, сколько выразить бурные чувства героя. Он танцевал Солора, Конрада, Франца, Абдерахмана.

На сцене он хотел быть богом. Его не вдохновляла перспектива превратиться в фон для прима-балерины. Поэтому спектакли с Мордкиным, видимо, были тяжким испытанием для партнерш. Газеты обсуждали его неуравновешенность. А вспышки бурного темперамента, сделавшие танцовщика любимцем московской публики, испортили отношения с Тихомировым — не только педагогом и соперником по сцене, но в то время еще и балетмейстером Большого театра. Из-за закулисных размолвок, после нескольких лет сотрудничества распался его дуэт с Анной Павловой, который муж балерины Виктор Дандре называл идеальным.

Двухлетнее турне с Анной Павловой по США и Великобритании, а также участие в первом балетном «Русском сезоне» Сергея Дягилева принесли Мордкину всемирную славу, но разрушили отношения с дирекцией Императорских театров. Вместе с женой, характерной танцовщицей Брониславой Пожицкой, он вынужден был покинуть Россию.

Два года спустя его возвращение в Большой театр стало новым триумфом. Критики, не упускавшие случая подсунуть горькую пилюлю в ведро комплиментов Александре Балашовой, Вере Каралли, Леониду Жукову, бурно обсуждавшие границы возможностей Софьи Федоровой, равнодушно, одними и теми же словами отмечавшие достоинства Тихомирова, сливались в единодушном восторге, описывая танец Мордкина: «...г. Мордкин показал, что значит техника, доведенная до той высоты, когда зрителю перестают казаться трудными самые большие трудности», «Говорить о том, какого исключительного по дарованию, силе и, главное, культурности артиста имеет в лице Мордкина московский балет и мировое хореографическое искусство, вряд ли нужно», «...все в его исполнении было безукоризненно блестяще, тщательно продумано и тонко выполнено».

Но Мордкина все меньше увлекал классический балет. В расцвете таланта танцовщик променял свои знаменитые виртуозные партии на пантомимные роли. А силы в нем били ключом. Еще в 24 года он стал репетитором, а вскоре — помощником балетмейстера Большого театра. В многочисленных концертах огромным успехом пользовались поставленные им хореографические номера. Интерес к драматическому искусству привел Михаила Михайловича педагогом на частные курсы драмы Адашева. Его целью было воспитание пластичности в драматических актерах. Одна из его учениц — Софья Гиацинтова — вспоминала, что они Мордкина обожали. В общении с учениками он был милейшим человеком, и ничто не напоминало в нем тот бушующий вулкан, о котором писали в светской хронике.

В 1913 году он поставил интермедию для «Мнимого больного» в Художественном театре, а уже после революции создал танцы для знаменитого «Овечьего источника» в постановке Константина Марджанова.

После революции Мордкин вновь ушел из Большого театра, потом вернулся в него. В перерывах преподавал и ставил спектакли в Тбилиси, гастролировал по стране. А в 1924 году уехал на гастроли в США и из этой поездки не вернулся.

В Америке Михаил Мордкин организовал небольшую частную студию, в которой преподавал вместе с женой и ставил небольшие спектакли. Ему было уже около 60-ти, когда он вернулся на сцену в столь любимых им пантомимных ролях. А в 1939 году на основе мордкинской студии возник Балле тиэтр, который в этом сезоне отметил 50-летие как прославленный Американский Балетный Театр.

Анна ГАЛАЙДА.